

А 287
228

КЪ СВОБОДѢ...

А 287
228

Цена 15 коп.

М. В. КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ:

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ,

Этюды (общественно-экономическіе).

Спб. 1904. Ц. 1 руб.

Отзывы печати:

„Содержаніе „Этюдъ“ самое разнообразное, всѣ они написаны очень живо и интересно. Даже самыя серьезныя темы авторомъ разбираются популярно, такъ что книгу вполне можно рекомендовать большой читающей публикѣ. Къ „запутаннымъ“ вопросамъ авторъ подходитъ съ такой искренней горячностью, что даже и въ случаѣ несогласія съ его доводами нельзя не признать облагораживающаго вліянія, оставляемаго чтеніемъ этихъ разнообразныхъ этюдъ“. („Донск. Рѣчь“).

„Двѣнадцать прекрасныхъ этюдъ г. Кечеджи-Шаповалова даютъ широкую картину „проклятыхъ“ вопросовъ современности... Чрезвычайно бодрой мыслью дышатъ эти этюды... Превосходный, яркій, порой художественный языкъ автора и логическая стройность изложенія дѣлаютъ его этюды въ самомъ широкомъ смыслѣ популярными. Желаемъ имъ успѣха“. („Правда“).

Его же,

Женское движеніе въ Россіи и заграницей.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Отзывы печати:

„Книга М. В. Кечеджи-Шаповалова „Женское движеніе въ Россіи и заграницей“ прочтется съ живымъ интересомъ всѣми интересующимися женскимъ вопросомъ...“ (С.-Петербург. Вѣд.).

„Такъ какъ въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного общаго очерка по женскому вопросу, то книга г. Кечеджи-Шаповалова представляетъ несомнѣнно большой общественный интересъ: читатель найдетъ въ ней много любопытныхъ данныхъ о феминистскомъ движеніи въ Америкѣ, Европѣ и Россіи... Къ книгѣ приложенъ цѣнный библиографическій указатель...“ („Курьеръ“).

... „Нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что онъ возбудилъ вновь этотъ старый, но вѣчно юный вопросъ, и сгруппировалъ въ одно мѣсто всѣ данныя, разбросанныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ... въ разбираемой книгѣ нашли себѣ довольно подробное и полное освѣщеніе условія женскаго труда у насъ и на Западѣ... статистическія данныя относительно условій женскаго труда мы находимъ въ большомъ количествѣ въ книгѣ, и это придаетъ сочиненію значительный интересъ...“ („Русск. Слово“).

„Въ этой книгѣ собрано множество интересныхъ фактическихъ свѣдѣній по иностраннымъ и русскимъ источникамъ, отчасти въ видѣ сырого матеріала, распредѣленнаго въ извѣстномъ порядкѣ, по государствамъ...“ („Вѣсти. Европы“).

А 287
228.
КЪ СВОБОДѢ...

Этюдъ по женскому вопросу.

М. В. КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ.

Къ свободѣ¹⁾.

Я радъ, что мнѣ представляется случай высказаться по вопросу, по которому пришлось много читать, не мало мыслить, выступать со статьями въ повременной печати и, наконецъ, долго и горячо спорить въ различныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Когда я выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „Женское движеніе въ Россіи и за границей“²⁾, то одна московская газета, помѣщая отзывъ о книгѣ, между прочимъ писала: „нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что онъ вновь возбудилъ этотъ старый, но вѣчно юный вопросъ“...

Да, скажу я, вопросъ этотъ не новъ, и всѣ мы знаемъ, что женщины, сознательно начавъ свое трудное и великое дѣло сто лѣтъ тому назадъ, въ наши дни уже почти достигли намѣченной цѣли; и дѣйстви-

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ Собраніи Экономистовъ, въ Русскомъ Женскомъ Взаимно-Благотворительномъ Обществѣ и въ аудиторіи Частныхъ С.-Петербургскихъ Счетоводныхъ Курсовъ.

²⁾ Въ приложеніи къ этой книгѣ перечислены всѣ источники, которыми я отчасти пользовался и при составленіи настоящей лекціи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Апрѣля 1905 г.

тельно, мы видимъ женщинъ-адвокатовъ, женщинъ-фабричныхъ инспектрисъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки женщинамъ предоставлены высшія государственныя должности; наконецъ, даже въ нашемъ отечествѣ мы можемъ насчитать внушительную цифру женщинъ-врачей, недюжинныхъ писательницъ, видныхъ общественныхъ дѣятельницъ, даже ученыхъ.

И...

И все-таки современная женщина еще далеко не у цѣли.

Вспомнимъ хотя бы недавніе выборы гласныхъ въ петербургскую городскую думу, когда женщины, подобно малолѣтнимъ, идиотамъ, опороченнымъ по суду и проч., оказались лишенными права подавать самолично свой избирательный голосъ. Быть можетъ, скажутъ, что этотъ фактъ по своей мелочности не заслуживаетъ вниманія. Пусть даже такъ. Но вѣдь такимъ мелочамъ, такимъ ограниченіямъ имя—легіонъ, и въ своей совокупности они могли бы погубить идею женскаго движенія, если бы въ самомъ ея зародышѣ не таилась настолько могучая сила, которая не боится преградъ.

Однако, прежде чѣмъ говорить о настоящемъ женскаго движенія, посмотримъ какіе факторы и ихъ взаимодействие выдвинули его на арену исторіи.

Въ наше время женщина стремится обезпечить за собой широкое право и, конечно, фактическую возможность участія въ повсемѣстно происходящей борьбѣ за существованіе, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ; другими словами—право на свободный общественный трудъ, со всѣми вытекающими изъ такого порядка послѣдствіями.

Что же побудило женщину искать такихъ новыхъ формъ бытовой, общественной, социально-экономической и, наконецъ, политической жизни?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось бы изложить всѣ тѣ мѣста культурной исторіи,

на протяженіи по крайней мѣрѣ двухъ съ половиной тысячелѣтій, гдѣ встрѣчается имя женщины.

Но такой отвѣтъ потребовалъ бы фоліантовъ, въ моемъ же распоряженіи только одинъ часъ, и потому я изберу путь краткій и притомъ безусловно правильный.

Съ незапамятныхъ временъ женщина является виднымъ работникомъ на хозяйственномъ поприщѣ.

Въ первобытныхъ племенахъ на нее возлагаются самыя тяжелыя и непріятныя работы. Въ то время, какъ мужчина занятъ охотой и войной, женщина должна отыскивать дикіе плоды, таскать убитыхъ животныхъ, а съ возникновеніемъ земледѣлія—заниматься еще и полевыми работами. Позднѣе оскѣдность и болѣе мирный строй жизни внесли существенное измѣненіе въ характеръ труда женщины; послѣдній сосредоточивается по преимуществу на веденіи домашняго хозяйства, на заботахъ по устройству дома, по приготовленію пищи, одежды и т. п.

Такая роль домохозяйки принадлежитъ ей въ теченіе всей древней и средневѣковой исторіи. Однако, какъ въ первобытномъ хозяйствѣ, такъ и въ позднѣйшее время женщина остается въ полномъ подчиненіи мужчинѣ. Представители болѣе сильнаго пола являются домовладыками и властелинами судьбы какъ своихъ женъ, такъ и дѣтей. Эта власть выражается въ полной экономической и юридической зависимости женщины и доходить, на примѣръ, въ Римѣ даже до права мужа на жизнь жены. Широкая власть мужчины, возникшая изъ права сильнаго, была закрѣплена обычаемъ и законодательствомъ на многія столѣтія. Въ Россіи до сихъ поръ сохранился въ народѣ обычай, по которому во время сговора отецъ, ударивъ слегка дочь „новой плетью“, передавалъ послѣднюю жениху, символически заявляя этимъ, что онъ передаетъ ему свою власть.

Старыя формы производства съ ихъ несовершенной техникой приковывали женщину къ семьѣ, оставляя

ей въ удѣлѣ заботы по домоводству; даже больше, въ нѣдрахъ семьи женщина была весьма продуктивной силой, производившей большую часть предметов потребления семьи. Значеніе хозяйственной дѣятельности женщины въ прошломъ станетъ очевиднымъ, если вспомнить тогдашнее состояніе торговли и промышленности. Благодаря женщинѣ, напр., въ русскомъ теремѣ достигли значительнаго совершенства разные виды рукодѣлій и вышиваній; боярскіе дома конкурировали своими женскими работами изъ дорогихъ матерій, унизанныхъ жемчугомъ и другими драгоценными камнями.

Въ Англіи женщины искусно владѣли иглой еще задолго до завоеванія англо-саксовъ.

Въ феодальныя времена въ Европѣ дѣвушекъ съ ранняго возраста учили прясть, ткать и вышивать. Брюссельскія и французскія кружева работали исключительно женщинами. Еще въ 1337 году во Франкфуртѣ въ законодательномъ порядкѣ были установлены правила, регулировавшія работу женщинъ, занимавшихся тканьемъ; въ Англію со временъ Георга III существуетъ положеніе о женскихъ мастерскихъ и даже о защитѣ работницъ. Такъ же точно въ регламентахъ средневѣковыхъ цеховъ мы не находимъ первоначально никакихъ ограниченій для женщинъ: по общему правилу, вдова мастера могла продолжать вести самостоятельное ремесло. Въ нѣкоторыхъ цехахъ, напр., ткачей, женщина могла занимать мѣсто мастера, имѣть подмастерьевъ, учениковъ и ученицъ, хотя вскорѣ тѣ же цехи подняли и энергично повели борьбу противъ тревожнаго роста женскаго труда.

Я не буду останавливаться на перечисленіи различныхъ видовъ работы, которую выполняли женщины во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. То былъ трудъ неорганизованный и въ громадномъ большинствѣ случаевъ подневольный, — трудъ, закрѣпощенный общими юридическими нормами и, главнымъ образомъ, деспоти-

тизмомъ домашняго очага, повелителемъ и хранителемъ котораго неизмѣнно являлся мужчина.

Характерныя проявленія такого труда мы можемъ наблюдать еще и теперь у малокультурныхъ народовъ или, еще къ намъ ближе, среди населенія казачьихъ войскъ и кавказскихъ горцевъ, гдѣ, — въ особенности у послѣднихъ, — женщина несетъ на себѣ всю тяжесть, подчасъ совершенно несоотвѣтствующую запасамъ ея силъ, домашнихъ работъ и часто даже хозяйственнаго промысла. Сплошъ и рядомъ она своимъ трудомъ обезпечиваетъ существованіе цѣлой семьи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей находиться въ рабскомъ подчиненіи у своего мужа или, если это дѣвушка, то отца, — не мѣшаетъ, взамѣнъ хотя бы самыхъ элементарныхъ правъ, видѣть и претерпѣвать на себѣ гнетъ однѣхъ только обязанностей.

Въ средніе вѣка пряденіе и тканье считались высшими добродѣтелями женщинъ. Эта женская работа, несмотря на неограниченное пользованіе ею, не была изъ худшихъ. Несравненно тяжелѣе были сельскія работы (которыя должны были выполнять крѣпостныя женщины). Приводимый лордомъ Магономъ въ его „Исторіи Англіи“ разсказъ о крестьянинѣ, который, потерявъ вола, сейчасъ же женился, чтобы самымъ дешевымъ образомъ возмѣстить свою потерю, — не только простой анекдотъ.

Однако, женскій трудъ или, вѣрнѣе, женская работа была экономически производительна лишь до тѣхъ поръ, пока старыя производственныя отношенія были въ силѣ; съ измѣненіемъ ихъ женщина изъ производителя обратилась въ потребителя.

Нынѣшній промышленный строй, съ широкимъ примѣненіемъ машинъ, нанесъ смертельный ударъ экономической дѣятельности женщины въ семьѣ. Фабрика и заводъ производятъ всѣ предметы дешевле, скорѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ мелкое децентрализованное индивидуальное производство, оборудован-

ное и въ техническомъ отношеніи несравненно слабѣе первыхъ. Въ силу этого производительная дѣятельность женщины въ семьѣ стала теперь экономическимъ абсурдомъ.

Если, съ одной стороны, эволюція торговли и промышленности, какъ характерный процессъ современной экономической эпохи, опредѣляя собой всѣ явленія въ области труда, силою вещей, заставляетъ женщину искать новыхъ формъ дѣятельности, которыя бы обеспечивали ей успѣхъ въ борьбѣ за существованіе, то, съ другой стороны, вся совокупность бытовыхъ условий, законодательныхъ ограниченій, моральной приниженности и вѣковыхъ предразсудковъ, которые въ прошломъ были неразлучными спутниками женщины, побудили ее стремиться къ общественному свободному труду, какъ къ наиболѣе радикальному средству выйти на путь и духовной самостоятельности.

Исторія утонченнаго рабства женщины, исчисляясь тысячелѣтіями, не измѣняла своему традиціонному развитію даже во времена рыцарства, поклоненіе котораго женщинѣ представляло собой не что иное, какъ опозитированный матеріализмъ, превратившійся потомъ въ грубую чувственность, прикрытую лоскомъ благородныхъ формъ.

У Дрэпера есть такой рассказъ о среднихъ вѣкахъ.

Священникъ уговаривалъ рыцаря жениться.

— Зачѣмъ мнѣ жена?—отвѣчалъ рыцарь,—чтобъ разводить блохъ,—у меня есть собаки, а сплетни—пажи.

Еще Гёте, устами своей Ифигеніи, выразилъ, что „судьба женщинъ достойна сожалѣнія“.

И это—несмотря на то, что въ средніе вѣка женщина въ Европѣ не уступала мужчинамъ въ образованіи.

Вообще, нужно сказать, что со временъ классической древности и до конца XVIII вѣка положеніе женщины представляло собой одно изъ безотраднѣйшихъ общественныхъ явленій.

На раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія женщина являлась предметомъ имущественныхъ сдѣлокъ,—предметомъ купли и продажи.

Великій идеалистъ Платонъ и великій реалистъ Аристотель, называвшій женщину „ошибкой природы“, смотрѣли на женщину, какъ на существо низшее. Впрочемъ, идеалистъ относился къ женщинѣ еще презрительнѣе реалиста: въ совершенствѣ вѣрной и способной рабыни Платонъ усматривалъ совершенство жены.

Исламъ считаетъ женщину существомъ, предназначеннымъ служить мужчинѣ предметомъ грубыхъ прихотей и забавъ. По ученію Конфуція, женщина считается слугою своего мужа и обязана повиноваться и заботиться только объ его удобствахъ. Китайцы,—несмотря на замѣчательно развитое у нихъ чувство семейственности,—и до сихъ поръ считаютъ женщину существомъ низшаго порядка, не имѣющимъ даже, по общему убѣжденію, души. Это сознаютъ и сами китайцы. На одномъ изъ вселенскихъ соборовъ былъ даже категорически поднятъ вопросъ: человѣкъ ли женщина?—причемъ отцы собора раздѣлились на партіи.

Епископъ вюрцбургскій въ теченіе двухъ лѣтъ сжегъ на кострѣ около 900 женщинъ, обвиненныхъ въ ереси и колдовствѣ.

Брама воспрещаетъ женщинѣ чтеніе Веды, священной книги индусовъ. Коранъ учитъ, что двери рая вѣчно будутъ закрыты для женщинъ. У евреевъ, судя по воззрѣніямъ церкви, женщины стоятъ на одной ступени съ рабами и дѣтьми, такъ какъ и тѣмъ и другимъ запрещено прикасаться къ закону. Талмудъ оцѣниваетъ честь женщины по ея имуществу.

Едва ли можно найти въ исторіи нравовъ болѣе мрачную картину женской жизни, чѣмъ то было въ Римѣ въ началѣ нашей эры. Лишь порой проникалъ въ нее лучъ свѣта, такъ какъ даже поэты, обыкно-

венно восхваляющие женщинъ, осыпали ихъ сарказмами и насмѣшками, или воспѣвали только проститутокъ.

Согласно позднѣйшему законодательству Юстиніана, женщины и рабы не могли занимать общественныхъ должностей.

Что же касается христіанства, то оно принесло женщинамъ, кромѣ утѣшенія и надежды, которая оно принесло всѣмъ угнетеннымъ, и нѣчто особенное, а именно: уравненіе мужчины съ женщиной, какъ нравственныхъ существъ, какъ „дѣтей Бога“. Но только передъ Богомъ, а не передъ государствомъ оказались равными господа и слуги, мужчины и женщины. Слѣдовательно, значеніе христіанства для женщины лежить въ нравственномъ приравненіи женщины мужчинъ; но дальше этого оно не простиралось.

Лишь обернувшись къ далекимъ временамъ классической древности, мы увидимъ, что подъ мягкой синевой греческаго неба, на ряду съ расцвѣтомъ аѳинской демократіи, литературы и искусства, еще за пять столѣтій до Р. Х. блеснулъ яркій лучъ эмансипаціи эллинскихъ женщинъ. Пionерами женскаго „дѣла“ были гетеры—свободныя женщины, занимавшіяся литературой, науками и политикой.

Колыбелью гетеръ были Аѳины,—этотъ источникъ самаго тонкаго благоуханія эллинизма.

Въ самый блестящій періодъ развитія Аѳинъ домъ Аспазіи—возлюбленной Перикла, былъ средоточіемъ самаго образованнаго и высшаго греческаго общества. За ея столомъ возлежали Периклъ, Анаксагоръ, Сократъ, Фидій, Дамонъ, Менезиклъ, Иктинъ и др.

Здѣсь аттическая философія сливалась съ лирикой, здѣсь, на ряду съ бесѣдами о поэтическихъ произведеніяхъ, обсуждались важнѣйшіе государственные вопросы.

Слѣдовательно, древній міръ, выдвинувъ блестящій во всѣхъ отношеніяхъ вѣкъ Перикла, далъ возмож-

ность женщинѣ сыграть завидную для того времени роль и, что всего важнѣе, подчеркнуть значеніе этой роли для общества.

Однако, справедливость требуетъ признать, что гетеры представляли собой лишь незначительный классъ, и, какъ таковой, не могъ служить показателемъ общаго положенія женщины въ Греціи, которое было весьма плачевно. А между тѣмъ это жалкое положеніе безусловно было одной изъ главныхъ причинъ ранней гибели и преждевременнаго паденія эллинизма. Даже гениальные эллинскіе мыслители и тѣ смотрѣли на женщину, какъ на существо, стоящее значительно ниже мужчины, и безусловное подчиненіе ее мужской волѣ считали и закономъ природы, и необходимостью, и высшей справедливостью.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ въ Германіи еще говорили, что женщина, оселъ и орѣхъ созданы для удара.

Что касается древне-русской женщины, то и она являлась въ жизни своего рода не болѣе какъ неразумнымъ малолѣткомъ. Отношеніе къ ней характеризуется цѣлымъ рядомъ безыскусственно сложившихся пословицъ, въ родѣ „Жена не горшокъ, не разсыплется,—бей вволю“. „Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять, безъ боя и за столъ не сядь“. „Дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ“ и т. д.

Подъ гнетомъ такихъ уродливыхъ формъ семейнаго деспотизма и самодурства наличный запасъ духовныхъ силъ въ русской женщинѣ нашелъ себѣ исходъ въ самомъ широкомъ развитіи материнской нѣжности и глубокой сострадательности ко всякому горю и несчастію. Но если чувство русской женщины, отыскавъ надежное русло, хлынуло по нему цѣлымъ потокомъ, то оставалась еще мысль, которой, впрочемъ, никто въ ней не хотѣлъ подозрѣвать. А между тѣмъ она была. И вотъ мы видимъ, что въ теченіе XVI и

XVII столѣтій формой женской и особенно дѣвичьей жизни становится теремъ,—какъ созданіе иноческаго, аскетическаго идеала,—полное затворничество!..

Однако, несмотря на такое подвижничество чувства и мысли, положеніе русской женщины того времени открываетъ едва ли не самыя печальныя страницы нашей исторіи. Повсюду слышится: „женщина пронырлива, лстива, крадлива, злоязычна, медвѣдица, львица, змія, аспидъ, поганка, василискъ“ и т. п.

Пословицы,—этотъ ничѣмъ неприкрашенный и неподслащенный гласъ народа,—могутъ намъ повѣдать больше, чѣмъ цѣлыя фоліанты лукавыхъ кабинетныхъ мудрствованій; и я не вижу необходимости разжевывать то, что такъ ясно и кратко выражено народомъ въ его лаконической простотѣ.

„Гдѣ бѣсу не подстать, туда бабу послать“. „Жену бей, такъ щи вкуснѣй“. „Бей шубу, будетъ теплѣе, а жену — будетъ умнѣе“. „Женщина — зло, всякаго зла злѣе, злоострое діавола оружіе“. „О, горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами!“ — говорится въ „Словѣ о злѣхъ дусѣхъ“.

„Баба, что горшокъ: что не влей, все кипитъ“. Баба да бѣсъ, — одинъ у нихъ вѣсъ“. „Тошно жить безъ милой, а съ милой тошнѣе“. „Женишься разъ, а плачешься вѣкъ“. „Не плачь, дѣвка, что отдають за парня; — плакать бы ему, что беретъ бѣду“. „Женскіе умы, что татарскія сумы“. „Я думалъ, идутъ двое, анъ мужикъ съ бабой“. „Не вѣрь вѣтру въ полѣ, а женѣ въ волѣ“. „Одному горе, а съ женою вдвое“.

Но довольно пословицъ, обратимся къ Островскому, прослѣдимъ положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по его безсмертнымъ національнымъ твореніямъ: „Ужъ очень у насъ женщины въ обидѣ и во всякомъ забвеніи живутъ, — нѣтъ такого ничтожнаго, послѣдняго мужичонка, который бы не считалъ бабу ниже себя“ (соч. т. VII, стр. 348). По словамъ этого писателя, большею частью, мужья съ женами, даже

самые согласные, не составляли одного цѣлаго, одной души. Они жили вмѣстѣ, а думали врозь, у нихъ вкусы, привычки, знакомства, развлечения, образъ мыслей, даже образъ жизни—все разное.

На закатѣ своей литературной дѣятельности самъ Островскій какъ будто ужаснулся общей картины непригляднаго положенія русской женщины.

Я умышленно привелъ всѣ эти иллюстраціи, наглядно рисующія угнетенное состояніе женщины, чтобы показать, что не одни узко-матеріальные расчеты руководятъ современной женщиной въ ея стремленіи къ самостоятельности.

Таково, въ краткихъ чертахъ, прошлое женщины. Но времена мѣняются, и прогрессъ требуетъ безпрерывной смѣны идей и формъ общественнаго строя; отъ одного улучшенія онъ переходитъ къ другому, постоянно реформируетъ и обновляетъ, отсѣкая засохшія вѣтки соціальнаго дерева и прививая свѣжія. Это—въ высшей степени творческая сила, ежеминутно разрушающая, но и созидаящая.

Прошлое женщины дѣлало ее невольно сторонницей застоя и неподвижности; заключенная въ сферу узкой семейной жизни, съ ея мелкими антисоціальными заботами, она не видѣла передъ собой другихъ горизонтовъ, другихъ интересовъ, кромѣ домашнихъ, другихъ стремленій, кромѣ личнаго благосостоянія. Но вотъ на сцену выступаетъ такъ называемый „женскій вопросъ“, вербуетъ для себя энергичныхъ и талантливыхъ дѣятелей, волнуетъ всѣ лучшіе мыслящіе умы, разрабатывается теоретически, проводится практически, и въ результатъ на міровомъ рынкѣ появляется новая, экономически-производительная армія рабочихъ въ лицѣ сво-

бодныхъ женщинъ. И дѣйствительно, мы уже имѣемъ передъ своими глазами почти организованный строй этой свѣжей, не утомленной арміи. Послѣ долгаго сна съ блѣдными, безцвѣтными сновидѣніями женщина проснулась бодрая и сильная сознаниемъ своей грядущей мощи.

Начало современнаго женскаго движенія относится ко времени Великой Французской Революціи, хотя въ нѣсколько иной формѣ его можно прослѣдить значительно раньше. Такъ, въ Италіи въ эпоху Возрожденія, женщины достигли извѣстной свободы, самостоятельности и виднаго общественнаго положенія, что особенно ярко сказалось въ ихъ живомъ участіи въ художественной и научной дѣятельности, когда цѣлый рядъ женщинъ выступилъ въ качествѣ художниковъ, ораторовъ, поэтессъ и проч.

Великое завоеваніе эпохи Возрожденія заключалось для женщины въ томъ, что за ней были признаны права самостоятельной личности.

Женщина перестала быть только экономкой и любовницей и начала принимать участіе въ духовной жизни; передъ ней читали свои произведенія Данте, Петрарка, Боккаччо и къ ея зрѣлому сужденію относились съ одинаковымъ, а часто и съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ мнѣнію мужчинъ.

Такое же явленіе характерно для того времени въ Испаніи. Однако, въ обѣихъ странахъ это движеніе оставалось чуждымъ стремленію кореннымъ образомъ измѣнить общее положеніе женщины. Лишь индивидуалистическій духъ просвѣтительной философіи и сочиненія Ж. Ж. Руссо впервые пробудили въ широкихъ слояхъ общества сознаніе человѣческаго достоинства

и заставили самихъ женщинъ призадуматься надъ основными моментами своего общественнаго положенія и требовать, во имя справедливости, его улучшенія. Въ связи съ переворотомъ, происшедшимъ въ XIX вѣкѣ въ сферѣ экономическихъ и социальныхъ отношеній, вполне опредѣлилась почва для реформы положенія женщины во всѣхъ нынѣшнихъ культурныхъ странахъ, и тогда выросло общее женское движеніе. Уже во время первой французской революціи женщины начали организоваться въ собственные клубы, укрѣпляя такимъ образомъ сознанную идею солидарности.

На эти начала европейскаго движенія значительное вліяніе оказалъ примѣръ Сѣверной Америки, гдѣ женщины, въ борьбѣ за независимость, добивались всеобщаго свободнаго доступа въ общественныя школы, между тѣмъ какъ агитація за предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ велась тогда еще вяло и достигала весьма немногочисленныхъ успѣховъ.

Литературнымъ бойцомъ за идею равноправности явился во время Французской революціи философъ Кондоресъ, по мнѣнію котораго провозглашенный революціей принципъ равенства былъ самымъ жестокимъ образомъ поправъ, такъ какъ половина человѣческаго рода была лишена права принимать участіе въ законодательствѣ.

Съ первой четверти XIX вѣка начинается планомерное женское движеніе. И между прочимъ, съ первой половины этого столѣтія развитіе идей эмансипаціи тѣсно связано съ именемъ романистки Жоржъ Зандъ. Однако, ея сочиненія, оперировавшія исключительно надъ „правомъ личности“ и лишенные экономической, государственной и социально-политической точекъ зрѣнія, не оказали существеннаго вліянія на ходъ событій. Зато борьба за уничтоженіе рабства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ 1840 года дала мощный толчекъ всеобщему движенію. Американскія женщины не хотѣли отставать отъ негровъ, за при-

знание человеческихъ правъ которыхъ онѣ сами ратовали. Въ области промысловой дѣятельности и образования равноправность женщинъ въ Америкѣ уже не оспаривалась, тогда движеніе стало пріобрѣтать преимущественно политическій характеръ.

Значительнымъ импульсомъ для эмансипационныхъ стремлений въ концѣ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія послужила проповѣдь Дж. Ст. Милля. Его книга „О подчиненіи женщины“, проникнутая радикальнымъ индивидуализмомъ, оказала широкое воздѣйствіе. Самъ Милль стоялъ во главѣ англійскаго движенія въ пользу избирательныхъ правъ. Въ то же время въ Англіи росла и крѣпла союзная организація съ цѣлью поднять уровень матеріальнаго благосостоянія трудящихся женщинъ и расширить рамки ихъ образования.

Во Франціи начавшееся на исходѣ 50-хъ годовъ движеніе въ пользу работницъ не имѣло значительныхъ успѣховъ, такъ какъ центръ тяжести безчисленныхъ феминистскихъ обществъ тяготѣлъ къ политикѣ, а не къ социальнымъ отношеніямъ.

Намѣтивъ въ самыхъ общихъ и эскизныхъ чертахъ схему развитія женскаго движенія, я долженъ подчеркнуть, что создали его, конечно, не тѣ немногія женщины, которыя, въ силу своей личной одаренности, перешагнули предназначенные исторіей ихъ полу границы, или въ силу личныхъ своихъ судебъ познали весь позоръ своего положенія. Нѣтъ. Женское движеніе возникло только тогда, когда къ нравственнымъ невзгодамъ присоединилась матеріальная нужда массы женщинъ, которыя, будучи вырваны изъ нѣдръ домашней жизни и семьи, вынуждены были тяжелымъ трудомъ бороться за свое существованіе.

Организованная борьба за трудъ, смѣнившая борьбу отдѣльныхъ женщинъ за профессиональный заработокъ, знаменуетъ собой начало современнаго женскаго движенія. Этой борьбѣ долженъ былъ предшествовать экономическій процессъ, который все болѣе и болѣе

вытѣснялъ женщинъ изъ изолированности домашняго труда и заставлялъ ихъ искать работы внѣ тѣсной сферы четырехъ стѣнъ.

Въ наше время промышленность освобождаетъ женщинъ отъ ихъ традиционныхъ обязанностей по домашнему хозяйству, а школьное воспитаніе—отъ нѣкоторыхъ обязанностей матери. Газовая печь, электрическое освѣщеніе, центральное отопленіе, паровыя прачешныя, пансіонаты и проч. и теперь уже являются важными факторами въ борьбѣ за освобожденіе женщины. Сюда присоединяются дѣтскіе сады, общественное воспитаніе дѣтей, все болѣе распространяющійся обычай довѣрять своихъ подрастающихъ дѣтей такимъ учрежденіямъ, которыя держатъ ихъ вдали отъ нездоровыхъ началъ современнаго жизненнаго строя и проч.

Къ тому же материнство, въ предѣлахъ семьи, не можетъ наполнить всей жизни современной женщины, которая, за исполненіемъ своихъ материнскихъ обязанностей, сплошь и рядомъ располагаетъ значительнымъ досугомъ, какъ въ молодости, такъ и въ преклонномъ возрастѣ.

И потому нынче является абсолютнымъ анахронизмомъ крылатое слово объ „единственной профессіи женщины—быть супругой и матерью“.

Запретить женщинамъ трудъ было дѣломъ совершенно невозможнымъ; нужда гнала ихъ на работу, и все сводилось лишь къ тому, чтобы создать для этой работы новыя условія. Въ этомъ отношеніи революціонизирующее дѣйствіе произвела изобрѣтенная въ 1767 году въ Англіи Гартгривсомъ прядильная машина. Въ 1788 году тамъ насчитывалось уже 142 фабрики, на которыхъ работало 59.000 женщинъ. Это событіе нужно считать первымъ моментомъ освобожденія работоспособности женщинъ отъ домашнихъ оковъ.

Машина выбираетъ для себя воплощенную въ женщинѣ самую дешевую рабочую силу. Съ примѣненіемъ

механической силы неопытная дѣвушка можетъ замѣнить собой ученаго и сильнаго рабочаго. По свидѣтельству Адама Смита, въ его время 10 мужчинъ съ помощью раздѣленія труда изготовляли ежедневно около 48.000 иголокъ. По свидѣтельству Маркса, одна машина изготовляетъ въ теченіе 11-часового рабочаго дня 145.000 иголокъ, и одна женщина можетъ наблюдать за четырьмя такими машинами, производя такимъ образомъ ежедневно 600.000 штукъ. Слѣдовательно, одна женщина замѣнила 130 мужчинъ. Отсюда видно, что только съ измѣненіемъ всего трудового процесса сдѣлалось возможнымъ широкое приложеніе женскаго труда.

Ростъ культурнаго женскаго труда въ 19 столѣтіи ограничивается сферами промышленности и торговли. И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ онъ совершался съ значительной быстротой. Въ промышленности онъ поощрялся грандіознымъ развитіемъ техники, а отчасти прямо создавался ею. Растущее же несоотвѣтствіе между доходомъ мужа и потребностями семьи гнало женщинъ на наемную работу.

Что касается буржуазнаго, а не пролетарскаго, женскаго движенія, то оно началось съ поразительнымъ единодушіемъ почти во всѣхъ культурныхъ странахъ приблизительно съ 1820 года. До этой поры въ массѣ случаевъ женщины изъ среды буржуазіи наполняли свою жизнь домашнимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, часто одними удовольствіями, культомъ прекраснаго или другими способами замаскированной праздности. И тогда какъ работница уже рука объ руку съ мужчиной вела тяжелую борьбу за существованіе, женщинѣ изъ буржуазіи приходилось еще завоевать себѣ мѣсто рядомъ съ мужчиной. Этимъ обстоятельствомъ объясняется почти полное различіе между буржуазнымъ и пролетарскимъ женскимъ движеніемъ.

Буржуазное женское движеніе, взятое само въ себѣ, не понимаетъ ни своихъ движущихъ силъ, ни своихъ

перспективъ. Самое большее, на что оно способно, это—сдѣлать первые шаги на томъ пути который женщины смогутъ пройти до конца только въ союзѣ со всеобщимъ, охватывающимъ оба пола, социальнымъ движеніемъ.

Быстрое вторженіе въ буржуазныя профессіи объясняется не болѣе высокой въ качественномъ отношеніи работой ея, а меньшими требованіями, которыя выражаются въ создаваемой отчасти самими женщинами низкой заработной платѣ. Эту послѣднюю опредѣляетъ преимущественно конкуренція женщинъ изъ сравнительно имущихъ классовъ населенія; живя на всемъ готовомъ и желая имѣть деньги „на булавки“, онѣ продаютъ свои издѣлія за безцѣнокъ и понижаютъ тѣмъ плату профессиональнымъ работницамъ. Нѣмецкіе экономисты заклеили этотъ видъ конкуренціи названіемъ „Schmutzkonkurrenz“. Гобсонъ называетъ ее „некоммерческимъ предложеніемъ“. Указанныя группы женщинъ, выступая на рынокъ труда съ самыми умеренными требованіями, понижаютъ своимъ предложеніемъ общую женскую заработную плату до такого уровня, при которомъ почти не можетъ существовать даже неприхотливая одинокая женщина.

Обращаясь къ причинамъ сравнительно низкой оплаты женскаго пролетарскаго труда, нужно прежде всего замѣтить, что мужчины-работчіе сплотились болѣе частью въ прочные и сильные союзы, которые даютъ имъ возможность добиваться отъ предпринимателей болѣе выгодныхъ условій продажи рабочей силы; женщины же пока обособлены и разрознены.

„Группа работницъ,—говоритъ Гобсонъ („Проблемы бѣдности“, стр. 141), имѣющая столь же сильную организацію, какъ мужчины, могла бы получить одинаковую съ ними заработную плату“...

Но мы видимъ, что при завоеваніи каждой новой отрасли труда женщины проходятъ двѣ стадіи: 1) добиваются самаго участія въ данной категоріи труда и

2) когда онѣ уже заняли позицію, стремятся укрѣпиться въ ней и обезпечить себѣ наилучшія условія.

Вотъ почему можно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ, съ ростомъ образованія и общественнаго самосознанія, женщины достигнутъ въ области экономическихъ отношеній равнаго положенія съ мужчиной, пользуясь выработанными жизнью средствами борьбы.

Нѣкоторыя законодательныя реформы косвенно могутъ только благоприятствовать женщинамъ въ борьбѣ за упроченіе ея матеріальнаго благосостоянія; такъ, напр., право самой воспитывать своего ребенка вызоветъ у женщины повышеніе уровня ея потребностей и, слѣдовательно, приведетъ къ увеличенію заработной платы.

Что касается чисто внѣшнихъ условій поступательнаго движенія женщинъ въ различныхъ странахъ, то, конечно, въ зависимости отъ общаго уклада жизни каждаго отдѣльнаго народа условія эти вездѣ носили и продолжаютъ носить еще и теперь болѣе или менѣе своеобразный отпечатокъ.

Отъ насъ совсѣмъ еще недалеко та эпоха, когда на женщину вездѣ, въ томъ числѣ и въ Англіи, смотрѣли съ чисто сантиментальной точки зрѣнія. Одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, — современникъ нашихъ бабушекъ, — сказалъ, что „стыдно смотрѣть на женщину, которая ѣстъ“... „ибо поэтическому ореолу, которымъ мы окружаемъ женщину, не соответствуетъ столь прозаическое занятіе“... Современникъ же нашихъ матерей, Ипп. Тэнъ, по поводу фантазіи Теннисона „Принцесса“ писалъ: „Нѣтъ шутокъ болѣе романтической и

нѣжной... Нельзя не улыбаться, слушая суровыя ученныя слова, срывающіяся съ розовыхъ дѣвичьихъ губокъ... Въ шелковыхъ роскошныхъ платьяхъ, съ золотыми поясами, слушаютъ онѣ историческія тирады, обѣщанія возрожденія общества“...

Всему, однако, бываетъ конецъ, — эпоха эта прошла, женщина теперь спокойно ѣстъ при свидѣтеляхъ, не боясь утратить своего „поэтического ореола“, „а романтическая и нѣжная шутка“ поэта Теннисона сдѣлалась дѣйствительностью, съ той лишь разницей, что дѣвушки въ Англіи не „въ шелковыхъ платьяхъ съ золотыми поясами“ слушаютъ тирады о возрожденіи общества, а въ удобныхъ рабочихъ блузахъ уже возрождаютъ его.

Въ переписи 1831 года еще не упоминается ни одной профессіи, принадлежащей женщинамъ, кромѣ профессіи домашней прислуги; — перепись же 1881 года даетъ намъ 331 различную профессію женщинъ. Въ наше время можно съ увѣренностью сказать, что женщина, не имѣющая работы или излюбленнаго ею занятія, составляетъ въ Англіи рѣдкое исключеніе, отсюда и вліяніе женщины въ той или иной формѣ, распространяется за предѣлы домашняго очага, отчего этотъ послѣдній не только ничего не потерялъ, но значительно выигралъ. Слѣдствіемъ эмансипаціи женщинъ явились въ Англіи реформы законовъ и учрежденій страны.

Въ отношеніи женскаго движенія, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ, англичане придерживаются политики „открытыхъ дверей“, допуская женщину, какъ конкуррента, во всѣ области экономической жизни.

Женскіе клубы въ Англіи вообще и въ Лондонѣ въ частности растутъ какъ грибы, и въ данное время рѣдкая женщина или дѣвушка Лондона не состоитъ членомъ того или другого клуба. При этомъ нужно

вспомнить, что клубы являются здѣсь не только учрежденіями увеселительными, сколько центрами женской дѣятельности.

Женское движеніе въ Скандинавскихъ странахъ въ общихъ чертахъ чрезвычайно напоминаетъ такое же движеніе въ Англіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, пионеры перваго движенія прежде всего позаботились о томъ, чтобы повысить уровень образованія женщинъ, такъ какъ только такимъ путемъ можно было вывести женщину изъ ея зависимаго положенія. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Швеціи почти не существовало школъ для дѣвочекъ, и государство заботилось только о воспитаніи мальчиковъ. Но въ 1870 году уже послѣдовало разрѣшеніе женщинамъ слушать университетскіе курсы и добиваться ученыхъ степеней наравнѣ съ мужчинами, изучать медицину въ тѣхъ же самыхъ университетахъ и заниматься потомъ практикой.

Съ 1875 года женщины допущены въ Копенгагенскій университетъ и могутъ получать ученые степени на всѣхъ факультетахъ, за исключеніемъ богословскаго. Въ Норвегіи женщины допущены въ университеты въ 1828 году, на одинаковыхъ съ мужчинами основаніяхъ. Каѳедра математики въ Стокгольмскомъ университетѣ, которую нѣкогда занимала наша соотечественница, Софья Ковалевская, снова принадлежитъ женщинѣ.

Успѣхи женскаго движенія въ Германіи, въ странѣ, которая всегда строила и продолжаетъ строить массу баррикадъ на пути эмансипаціонныхъ стремленій женщинъ,—прекрасно характеризуются словами одного нѣмецкаго профессора: „Что пользы противиться теченію?—говоритъ онъ,—рано или поздно оно сокрушитъ преграды, какъ бы мы ни укрѣпляли ихъ. Гораздо благоразумнѣе будетъ теперь же позаботиться о томъ, чтобы заключить это теченіе въ извѣстные предѣлы, если это возможно; но во всякомъ случаѣ тотъ, кто не желаетъ потонуть въ этомъ потокѣ, долженъ слѣдовать по его теченію. Какъ помѣшать женщинамъ учиться, если они этого хотятъ? Женщины хотятъ отнять у насъ тѣ привилегіи, которыми мы пользовались безпрепятственно въ теченіе многихъ вѣковъ, и мы безсильны помѣшать имъ“...

Нѣмецкая женщина, проникшись сравнительно позже другихъ идеями освободительнаго движенія, тѣмъ не менѣе успѣла достигнуть многого, и, пользуясь поддержкой социаль-демократической партіи, поидетъ далеко по начатому пути.

Франція, по сравненію съ Англіей и Скандинавскими странами, которая является настоящей колыбелью женской эмансипаціи, конечно, далеко отстала. Женское движеніе только за послѣдніе годы сдѣлало замѣтные шаги впередъ и обратило на себя серьезное вниманіе французскаго общества и литературы, относившихся въ началѣ съ нѣсколько презрительной ироніей къ такъ называемому „феминизму“.

Жоржъ Зандъ провозглашала только права исключительной, высшей женщины, хотя, впрочемъ, одно-

временно съ ней Стендаль защищалъ права обыкновенной средней женщины и требовалъ для нея серьезнаго образованія и самостоятельнаго положенія. Однако, реальное развитіе женскаго вопроса шло по болѣе узкому руслу, а именно, по пути завоеванія права на свободную любовь.

Что касается результатовъ „борьбы за освобожденіе“, то въ то время какъ въ Англіи и Норвегіи новая женщина является въ большинствѣ случаевъ торжествующей побѣдительницей, во Франціи она занимаетъ, въ концѣ концовъ, фальшивое положеніе полуосвобожденной.

Внѣшняя исторія французскаго феминизма довольно несложна. Начиная съ 1848 года стали раздаваться протесты противъ порабощенія французской женщины закономъ и общественными предрассудками. Но эти протесты были единоличными и скоро заглохли. Слишкомъ сильно еще господствовала въ обществѣ формула Прудона, видѣвшаго въ женщинѣ „куртизанку“ или „хозяйку“ (*La menagère ou la courtisane*).

Забытый вскорѣ женскій вопросъ сталъ снова занимать общественное вниманіе уже въ началѣ 60-хъ годовъ. Женщина-работница лишь въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе французскихъ феминистокъ, и въ этомъ опозданіи уже кроется слабая основа всего движенія.

„Положеніе, занимаемое въ государствѣ женщиной,—говоритъ Брайсъ въ своей „Американской республикѣ“,—служитъ если не самымъ совершеннымъ мѣриломъ цивилизаціи страны, то однимъ изъ самыхъ лучшихъ“.

Въ Америкѣ различіе въ общественномъ положеніи мужчины и женщины мало чувствительно. Съ самаго

ранняго дѣтства мальчиковъ и дѣвочекъ обучаютъ совместно, въ одной школѣ. Между прочимъ, послѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что здѣсь почти совсѣмъ не существуетъ того флирта, который замѣчается въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ странъ.

Европейцу достаточно провести одинъ вечеръ въ американской гостиницѣ для того, чтобы убѣдиться, что въ Америкѣ обхожденіе мужчинъ съ женщинами не то, къ какому онъ привыкъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ онъ обыкновенно выражался тономъ любезной снисходительности, разговаривая съ женщиной о какомъ-нибудь серьезномъ предметѣ. Такая самоувѣренность чужда американцу. Что касается американокъ, то и онѣ, въ свою очередь, давнымъ давно отрѣшились отъ предрассудка, который въ большинствѣ другихъ странъ обрекаетъ женщинъ, когда имъ приходится зарабатывать средства для своего существованія, на одно лишь даваніе уроковъ французскаго языка, фортепіанной игры и рисованія. Американцы предоставляютъ своимъ женщинамъ больше свободы и самостоятельности, чѣмъ какой бы то ни было народъ въ Европѣ. Въ 1896 году въ Соединенныхъ Штатахъ обсуждался вопросъ о женской эмансипаціи, и большинствомъ 6,937 голосовъ противъ 2,187 представители общинъ разрѣшили вопросъ въ смыслѣ полной равноправности женщинъ и допущенія ихъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ.

Соединенные Штаты, привыкшіе изучать всѣ теоріи на дѣлѣ, начали не съ вопроса о томъ, какія могутъ быть послѣдствія для семьи и общества отъ предоставленія женщинамъ права на образованіе, а просто открыли женщинамъ всѣ учебныя заведенія, желая ознакомить ихъ со всѣми отраслями научнаго и литературнаго образованія.

Американцы давно поняли, что поднять характеръ и положеніе женщины—значитъ поднять самого мужчину, и въ этомъ отношеніи они начали съ женскаго

образования, которое въ теченіе XIX столѣтія сдѣлало настолько большіе успѣхи, что въ настоящее время въ одномъ штатѣ Массачусетсъ число высшихъ школъ, болѣею частью доступныхъ обоимъ поламъ, болѣе 220.

Въ 1840 году американскія женщины еще не имѣли никакихъ правъ, онѣ были лишены даже самаго элементарнаго человѣческаго права—публично высказывать свои взгляды.

Въ настоящее время въ штатахъ Вайомингъ и Колорадо (и еще въ двухъ) женщины пользуются всѣми политическими правами наравнѣ съ мужчинами, имъ открыты всѣ высшія учебныя заведенія, онѣ имѣютъ доступъ ко всѣмъ профессіямъ и широко пользуются открывшимися новыми путями.

Въ 23 штатахъ Америки женщины имѣютъ избирательное право въ школьныхъ совѣтахъ; въ одномъ штатѣ онѣ принимаютъ участіе въ муниципальномъ голосованіи, и въ этомъ штатѣ есть 6 городовъ, гдѣ мэръ и всѣ члены городского совѣта—женщины. По общему признанію не только друзей, но и бывшихъ враговъ, женское избирательное право въ Америкѣ оказываетъ самое благотворное вліяніе на мѣстную политическую жизнь.

Въ концѣ XVIII столѣтія на западѣ со всѣхъ сторонъ начинаютъ раздаваться горячіе памфлеты въ защиту правъ женщины, подкрѣпленные философскими доктринами Кондорсэ. Движеніе это, разумѣется, не могло остаться совершенно безслѣднымъ и для далекой Россіи, тѣмъ болѣе, что двери въ это загадочное для иностранцевъ царство раскрылись, наконецъ, по почину Петра Великаго, который, прорубивъ на бере-

гахъ Невы „окно въ Европу“, сталъ жадно вдыхать въ себя живительный, свѣжій воздухъ, смѣло подставляя русскую голову подъ цѣлый снопъ врывающихся оттуда ослѣпительно яркихъ лучей науки и передовыхъ идей.

Идеи эти задѣли своимъ крыломъ также и Россію, лучи эти упали и на русскую женщину.

Первый шагъ въ трудномъ и тернистомъ дѣлѣ эмансипаціи русской женщины совпадаетъ съ началомъ эпохи Петра Великаго.

Понимая какое громадное значеніе принадлежитъ женщинѣ въ общественной жизни, замкнутой до того времени по своимъ теремамъ, онъ, на ряду съ прочими грандіозными преобразованиями, рѣшилъ разбить эти высокіе терема и освободить женщину изъ ея вѣковаго заточенія.

Распатывая перегнившіе столбы нашего домостроительства, онъ провѣтривалъ Россію свѣжимъ, чистымъ воздухомъ знаній и науки, освѣщалъ яркими и теплыми лучами здраваго разума.

Вмѣсто замкнутыхъ и плотно закупоренныхъ теремовъ, въ душевной атмосферѣ которыхъ задыхалась русская женщина, онъ учредилъ ассамблеи, настойчиво стоя на нихъ бывшихъ плѣнницъ.

Возвративъ женщину общественной жизни, Петръ Великій тѣмъ самымъ положилъ первое начало пробужденію въ ней общественнаго самосознанія.

И что же? Въ теченіе полустолѣтія русская женщина, на удивленіе всѣмъ народамъ, съумѣла стряхнуть съ себя многовѣковую дрему и стать въ первыхъ сомкнутыхъ рядахъ своихъ западно-европейскихъ сестеръ. Куда дѣвались слѣды тяжелаго гнета, куда отлетѣла стѣсненная и загнанная мысль?..

Глядя на современную передовую русскую женщину, отказываешь въѣрить, что она прошла длинный, томительный рядъ вѣковъ, полныхъ духовнаго одиночества, полныхъ безправія и непроглядной тьмы. Воспо-

минаніе о высокомъ дубовомъ теремѣ,—этой дѣвичьей и женской тюрьмѣ,—кажется далекой грустной сказкой.

А между тѣмъ, это дѣйствительность, и очень недавняя...

Стремленіе женщины къ высшему образованію въполнѣ опредѣленно проявилось въ Россіи еще въ 1860 году, когда на университетскихъ лекціяхъ стали появляться женщины. При разработкѣ университетскаго устава 1863 года министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало университетамъ запросъ о томъ, могутъ ли женщины быть допускаемы къ слушанію лекцій совмѣстно со студентами и къ испытанію на полученіе степени и какими правами должны онѣ пользоваться въ случаѣ выдержанія испытанія. На всѣ эти вопросы совѣты университетовъ московскаго и дерптскаго (первый большинствомъ 23 голосовъ противъ двухъ) дали рѣзкій отрицательный отвѣтъ.

Петербургскій, казанскій и кіевскій университеты высказались за допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій и къ испытаніямъ на ученые степени, но не иначе, какъ въ качествѣ вольнослушательницъ. Что касается правъ, даваемыхъ учеными званіями, то университеты предлагали установить для женщинъ нѣкоторыя ограничительныя условія.

Въ результатѣ дѣло кончилось ничѣмъ. Русскія женщины, не находя на родинѣ доступа къ высшему образованію, массами устремились въ заграничныя университеты.

Въ наши дни дѣло высшаго женскаго образованія въ Россіи сильно подвинулось впередъ, но еще далеко не достигло того положенія, котораго настойчиво требуетъ наша дѣйствительность.

Что касается женскихъ обществъ въ Россіи, то большая часть ихъ весьма недавняго происхожденія, и уже одно это обстоятельство не даетъ мнѣ права производить окончательную оцѣнку ихъ дѣятельности.

Скажу лишь, что большинство ихъ оперируетъ на весьма здоровой почвѣ.

Введеніе женскаго труда въ русской промышленности представляетъ собой значительный прогрессъ въ культурномъ отношеніи, косвенно способствуя образованію особаго рабочаго класса и постепенно перерождая нынѣшняго фабричнаго номада въ профессиональнаго рабочаго. Значеніе такого порядка въ отношеніи экономической и общественной структуры понятно и безъ комментариев...

Обращаясь къ интеллигентнымъ профессіямъ, необходимо прежде всего подчеркнуть дѣятельность русскихъ народныхъ учительницъ.

„Едва ли будетъ преувеличеніемъ,—говоритъ Лили Браунъ въ своей замѣчательной книгѣ „Женскій вопросъ“,—сказать, что среди русскихъ женщинъ учительница является не только носительницей женскаго движенія, но и важнымъ факторомъ народнаго просвѣщенія и социальнаго прогресса“. Къ сожалѣнію, замѣчу я отъ себя, эта дѣятельность обставлена самыми неблагоприятными условіями. Холодъ, голодъ и грубость невѣжественныхъ попечителей—вотъ обычные спутники жизни и работы нашихъ „культуртрегеровъ“. Чтобы не быть голословнымъ, напомнимъ о смерти учительницы погоста Ручки, Новгородской губерніи, Еремеевой, послѣдовавшей отъ хроническаго голода. Специальное разслѣдованіе подтвердило полную достоверность этого факта. Жалованье покойной (ум. въ 1901 г.) составляло 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, 2 руб. 50 коп. добавочныхъ и 15 руб. въ годъ наградныхъ. И случай этотъ не единичный.

Размышляя о подобныхъ явленіяхъ, невольно всплываетъ вопросъ, насколько вообще цѣлесообразно строить выполнение такой грандіозной задачи, какъ просвѣщеніе 80-милліонной народной массы, на сплошной цѣпи лишеній, бѣдствій и самоотреченія просвѣ-

щающихъ?.. Иначе смотрятъ и обставляютъ народнаго учителя въ Западной Европѣ...

Трудъ нашихъ женщинъ-врачей можетъ быть охарактеризованъ краткой выдержкой изъ официального отчета Петербургской городской думы: на одного мужчину-врача приходится въ среднемъ отъ 5.400 до 8.000 пациентовъ въ годъ, а на одну женщину-врача отъ 7.000 до 11.000. Эти цифры говорятъ сами за себя.

Въ этомъ отношеніи отрадно отмѣтить, что въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ крѣпнеть сознание необходимости узаконить женскій трудъ, а не оставлять его только терпимымъ.

Что касается оплаты женскаго квалифицированнаго труда, то и тутъ мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ ненормальныхъ условий, для характеристики которыхъ можетъ послужить хотя бы слѣдующій случай:

Съ 1 октября 1901 года въ херсонской еврейской больницѣ введены „коренныя“ реформы:—обязанности трехъ врачей-интерновъ возложены на одну акушерку-фельдшерицу, которой положили жалованъ 300 цѣлковыхъ въ годъ. Такъ оплачивается женскій трудъ въ томъ случаѣ, когда одна женщина замѣняетъ трехъ дипломированныхъ мужчинъ.

Далѣе нерѣдко на практикѣ мы встрѣчаемъ такіе случаи, когда традиціонные предразсудки лишаютъ женщину возможности конкурировать съ мужчиной, если даже трудъ этого послѣдняго представляетъ собой завѣдомо меньшую цѣнность, нежели трудъ первой.

„Я знаю одну женщину,—говоритъ А. Даманская,—прекрасно образованную, отлично владѣющую четырьмя языками. Одно время она увлекалась греческой трагедіей, прослѣдила огромную литературу и чуть ли не наизусть знала Софокла и Эсхила. Однажды она явилась въ изданіе, гдѣ отъ времени до времени печатали ея статьи и переводы, и предложила замѣтку о спектаклѣ гастролировавшаго тогда въ Петербургѣ Мунэ-Сюлли (кажется, о „Креонѣ“. Ей отвѣтили: „Помилуйте,

у насъ есть свой рецензентъ!“. И „свой рецензентъ“ писалъ: „Мунэ-Сюлли во вчерашнемъ спектаклѣ опять показалъ намъ все очарованіе своего неувядаемаго таланта. Оваціямъ не было конца. Стѣны этого театра давно не вмѣщали въ себѣ такой блестящей публики“, и т. д. въ этомъ родѣ. Бѣдной переводчицѣ такъ и не удалось высказать свои взлелѣянные, любовно продуманные мысли...

Во второй половинѣ XIX вѣка женское дѣло пустило прочные корни, кромѣ упомянутыхъ уже мной странъ, въ Италіи, Бельгіи, Румыніи, Болгаріи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, особенно же въ Новой Зеландіи и Южной Австраліи.

Новая Зеландія, которую по справедливости называютъ земнымъ раемъ, избавлена отъ многихъ социальныхъ болѣзней, отъ которыхъ въ большей или меньшей степени страдаетъ все остальное человѣчество, а именно: отъ пауперизма, обезлюденія селъ и деревень, безработицы, централизаціи и переполненія городовъ и т. д.

Въ Новой Зеландіи введено государственное страхованіе противъ всякихъ несчастныхъ случаевъ, пожаровъ, землетрясеній, эпизоотій и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ постановленіемъ правительства тамъ введенъ 8 часовая рабочій день и установленъ минимумъ заработной платы, а теперь готовится націонализація земли и другія радикальныя реформы. Всѣ жители Новой Зеландіи *безъ различія пола* пользуются правомъ голоса на выборахъ, достигнувъ 21 года. Въ Новой Зеландіи, между прочимъ, давно уже нѣтъ неграмотныхъ.

Новая Зеландія и Южная Австралія въ 1894 году

ввели у себя женское избирательное право, причемъ по избирательной статистикѣ видно, что женщины пользуются своими правами совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ мужчины: на общихъ выборахъ въ Южно-Австралийскій парламентъ въ 1896 году процентъ женщинъ-избирательницъ совпадалъ съ процентомъ мужчинъ-избирателей. Примѣръ двухъ этихъ колоній совершенно разбиваетъ ходячее мнѣніе о томъ, будто женское избирательное право приводитъ къ усиленію реакціонныхъ партій; новѣйшее рабочее законодательство, которымъ справедливо гордится Новая Зеландія, въ значительной степени обязано своимъ осуществленіемъ именно женщинамъ-избирательницамъ.

Для японокъ также загораются зари новой жизни. Въ дѣлѣ эмансипаціи японскихъ женщинъ видную роль играетъ сама императрица, которая энергично работаетъ въ пользу отмены многихъ старинныхъ обычаевъ, стѣсняющихъ дѣятельность и свободу женщинъ.

Слѣдовательно, феминизмъ заявляетъ о своихъ правахъ не только въ Европѣ и Америкѣ, но и на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ.

Въ Шанхаѣ нѣсколько образованныхъ китаянокъ основали женскую газету, съ помощью которой онѣ намѣрены начать походъ противъ различныхъ китайскихъ обычаевъ, касающихся женщинъ.

Въ дѣлѣ просвѣщенія китайскихъ женщинъ много поработали американскія и англійскія женщины-врачи; многія китаянки всецѣло имъ обязаны своимъ развитіемъ.

Успѣхи женскаго движенія на Востокѣ наиболѣе любопытны. Совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Каирѣ Касимъ-Асимъ напечаталъ уже нѣсколько лѣтъ тому

назадъ книгу, въ которой требовалъ для магометанскихъ женщинъ такихъ же правъ, какими пользуются европейскія женщины, съ точки зрѣнія воспитанія и гражданскаго права. Конечно, его книга вызвала бурные протесты и возбудила священный гнѣвъ мусульманскаго духовенства. Касимъ-Асимъ бей, однако, продолжалъ свою феминистскую пропаганду и издалъ въ отвѣтъ еще книгу, названную имъ „Новая женщина“, въ которой онъ даетъ историческій очеркъ прошлаго магометанской женщины и требуетъ ея эмансипаціи въ настоящемъ.

Что касается культурной миссіи женщинъ, то едва ли можно не признавать благотѣльнаго вліянія ихъ на общество во все времена, а въ наше особенно. „Мужчина не вноситъ съ собой принципа всеобщаго милосердія; женщина же идетъ по этому пути кроткая, улыбающаяся. Смѣло и энергично берется она за искорененіе вопіющихъ несправедливостей, признанныхъ мужчиной неустранимыми и фатальными. Она выступаетъ противъ проституціи, алкоголизма, она борется противъ войны. Она понимаетъ, что до тѣхъ поръ, пока „законная проститутка“, исполняетъ свое постыдное ремесло, ни одна женщина, какъ бы она ни была сама по себѣ добродѣтельна, интеллигентна и независима, не въ правѣ сказать: „я освободилась отъ древняго рабства“.

Развратъ—врагъ женщины не только потому, что онъ уничтожаетъ святое, чистое чувство, но и потому, что онъ губитъ здоровье и расу. Это—сестра другого бича—пьянства, которое идетъ всегда рядомъ съ нимъ. Алкоголь все болѣе и болѣе отравляетъ кровь цѣлыхъ поколѣній. Онъ разъѣдаетъ нервы, разрушаетъ волю, разстраиваетъ умъ, внушаетъ жестокия, одуряющія страсти, налагаетъ печать вырожденія на цѣлый народъ. Поэтому-то хранительница расы обрушилась съ такой энергіей на это чудовище. Пьяница—это, быть можетъ, самое возмутительное, самое печальное

зрѣлище для женщины съ мало-мальскими возвышенными понятіями. Алкоголь отрываетъ отъ женщины отца, мужа, брата, сына, толкая ихъ изъ дома въ зловредную атмосферу трактировъ, ночныхъ ресторановъ и т. п.

Алкоголь воскрешаетъ въ мужчинѣ того наслѣдственнаго врага женщины, того доисторическаго властелина, который еще за тысячу лѣтъ ранилъ ее ударомъ кулака.

Обращаясь къ вопросу о войнѣ, мы увидимъ, что великая мечта, выраженная формулой „миръ между всѣми и для всѣхъ!“ — была высказана впервые женщиной.

Изъ Австріи раздался крикъ: „долой оружіе!“. Баронесса Сутнеръ бросила его во всѣ концы Европы. Это было отголосокъ того, что прозвучало когда-то въ „Хижинѣ дяди Тома“, въ этомъ романѣ Бичеръ Стоу, который лучше, чѣмъ всѣ антирабскіе конгрессы, послужилъ освобожденію расы. Съ этихъ поръ общества мира стали распространяться по всему свѣту.

Но женщинѣ, замкнутой въ кругу своихъ семейныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе, не уничтожить культа войны. Это ей удастся не ранѣе, чѣмъ она сдѣлается полноправной гражданкой, пользуясь въ государствѣ одинаковымъ вліяніемъ съ мужчиной.

Итакъ, мы видѣли, что „различіе между интересами, цѣлями, образомъ жизни болѣе сильнаго и менѣе связаннаго условіями половой жизни мужчины и прикованной къ дому и дѣтямъ женщины сдѣлалось причиной духовнаго и правового разобщенія между ними. Это разобщеніе оставалось первоначально нечувствительнымъ для женщины, потому что она всецѣло была

поглощена домашней дѣятельностью и вслѣдствіе господствовавшихъ общихъ отношеній не въ состояніи была выйти за жизненные рамки, поставленныя ей полу. Только когда многообразныя отрасли труда домашнего хозяйства все болѣе переходили въ сферу ремесленнаго и промышленнаго производства, и по мѣрѣ того, какъ женщина, принадлежавшая къ имущимъ классамъ, не знала, куда дѣвать свой досугъ, и стала томиться пустотой своего внутренняго и внѣшняго существованія, а женщина неимущихъ классовъ была вынуждена обратить свою домашнюю дѣятельность въ наемный трудъ внѣ дома и семьи, только тогда начала проникать въ сознаніе несносность и горечь женской доли. Женщина не только почувствовала себя прикрѣпленной къ той ступени духовной отсталости, которая соотвѣтствовала культурной эпохѣ отдаленнаго прошлаго, но она увидала также, что экономическія, правовыя и политическія оковы сдѣлали ее негодной для той борьбы за существованіе, которую ей пришлось теперь вести наравнѣ съ мужчиной. Эти противорѣчія сдѣлались источникомъ глубокаго недовольства, которое постоянно росло и въ женскомъ движеніи французской революціи достигло своего кульминаціоннаго пункта. Право на образованіе, право на трудъ и право на равенство передъ закономъ были тѣми цѣлями, которыя провозгласила революція. XIX вѣкъ уже не выдвинулъ новыхъ проблемъ женскаго вопроса. Только по мѣрѣ того, какъ этотъ вопросъ становился все болѣе сложнымъ, онъ выдѣлялъ изъ себя все болѣе рѣзко обозначенныя отдѣльныя стороны, подобно тому, какъ рѣка передъ своимъ впаденіемъ въ море вливаетъ въ него свои воды не черезъ одно свое главное русло, а съ помощью многихъ мелкихъ рукавовъ“.

Вопросъ о женскомъ трудѣ является, по моему мнѣнію, одной изъ величайшихъ задачъ, наслѣдованныхъ нами отъ XIX столѣтія. Онъ совмѣщаетъ въ себѣ

большую часть элементовъ женскаго движенія, начиная съ борьбы за увеличеніе заработной платы на фабрикахъ и кончая требованіями гражданскихъ и политическихъ правъ и права на высшее образованіе.

Женщина-консерваторъ уступаетъ мѣсто женщинѣ-борцу за общественные идеалы грядущаго.

Женщинамъ приходится бороться съ законами, тормозящими свободное примѣненіе ихъ силъ на разныхъ поприщахъ, бороться противъ эксплуатаціи женскаго труда, противъ всего, что мѣшаетъ имъ свободно участвовать въ общей гражданской жизни. Этой борьбой,—не противъ людей, а противъ учреждений,—вызвано усилившееся въ послѣднее время по всей Европѣ феминистское движеніе. Но оно составляетъ только часть другихъ социальныхъ движеній нашего времени и доказываетъ, что принципиально вопросъ уже рѣшенъ...

Появленіе женщинъ на рынкѣ труда можно только привѣтствовать, какъ увеличеніе производительныхъ силъ; опасеніе, что женскій трудъ влечетъ за собой пониженіе заработной платы и способствуетъ увеличенію безработныхъ, не подтверждается дѣйствительностью.

Противники женскаго движенія часто указываютъ на то, что экономическая эмансипація женщины ведетъ неминуемо къ потрясенію и даже разрушенію семейныхъ основъ. Такое утвержденіе, однако, теряетъ свою силу, если мы вспомнимъ, что общество нужно разсматривать не въ статическомъ, а въ динамическомъ состояніи, а тогда мы ясно увидимъ, что вмѣсто разрушающаго вліянія женскаго труда съ несомнѣнной силой выступитъ его творческое начало.

Современная семья разрушается, это—правда, но несомнѣнно и то, что на развалинахъ современной семьи непременно возникнутъ инныя,—и надо вѣрить въ это,—болѣе совершенныя общественныя отношенія.

Что касается притязаній женщинъ на высшее обра-

зованіе, то, право, давно пора признать ихъ справедливыми.

Еще въ средніе вѣка первый теоретикъ женскаго образованія, Эразмъ Роттердамскій, находилъ вреднымъ ограничивать его въ какомъ бы то ни было отношеніи, утверждая, что знаніе—лучшая гарантія счастья и нравственности.

А передъ могучимъ и прекраснымъ стремленіемъ къ свѣту знанія и къ жадѣ просвѣщенія, которые охватили, въ частности, нашихъ русскихъ женщинъ, нужно благоговѣнно снять шляпы.

Стремленіе русской женщины къ высшему образованію есть драгоценная струя идеализма, и насколько сильно и глубоко это стремленіе,—это знаютъ родители, отпускающіе своихъ дочерей на курсы, часто съ немалыми затрудненіями и жертвами; объ этомъ знаютъ тѣ, кому приходилось видѣть счастливыя лица принятыхъ на курсы дѣвушекъ и горечь тѣхъ, кому было отказано въ приѣмѣ изъ-за комплекта; объ этомъ знаютъ преподаватели на курсахъ,—свидѣтели усердныхъ знаній и серьезнаго, можно сказать, благоговѣйнаго интереса въ наукѣ со стороны женской аудиторіи.

Далѣе, я не вижу абсолютно никакихъ основаній отказывать женщинѣ въ выборѣ себѣ занятій по душѣ, по призванію, хотя бы потому, что у насъ не такъ много способныхъ мужчинъ, чтобы не давать дороги способнымъ женщинамъ.

Женщину нужно сдѣлать равноправной не только во имя отвлеченной идеи справедливости, а также ради общественной пользы, не говоря уже о необходимости законодательной санкціи экономическаго положенія женщины.

Вѣчныхъ законовъ и вѣчныхъ учреждений не существуетъ. Еще Солонъ сказалъ, что „лучшіе законы тѣ, которые наиболѣе подходятъ къ понятіямъ даннаго времени“. А наше время требуетъ предоставленія женщинѣ тѣхъ же правъ, которыми пользуется мужчина.

Правда, въ настоящее время уже нѣтъ ни одной профессіи, за исключеніемъ развѣ военной службы, которая могла бы считаться обезпеченнымъ владѣніемъ мужского пола; въ одномъ мѣстѣ медленнѣе, въ другомъ—быстрѣе, женщины все болѣе подвигаются впередъ, и этого напора не въ состояніи сдержать самое сильное сопротивленіе.

Но въ то время какъ, напр., передъ американской женщиной почти уже раскрыты двери политической равноправности, еще сохранилось на земномъ шарѣ не мало уголковъ, гдѣ за женщиной не признается самыхъ элементарныхъ правъ физически-свободной личности. Какъ должна быть безотраднѣ жизнь, напримеръ, тѣхъ корейскихъ дѣвушекъ, которыя тысячами продаются или на рынокъ, или прямо изъ родительскаго дома, какъ простой товаръ: это ужъ просто рабыни, въ лучшемъ случаѣ—наложницы, которыя не имѣютъ никакихъ правъ. Въ деревнѣ въ базарный день часто можно видѣть, какъ продавецъ водить съ собою, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ дѣвушекъ и кричить во всеуслышаніе: „Покупайте дѣвушекъ, красивыя дѣвушки, дешевыя дѣвушки!“... Ихъ продаютъ точно такъ же, какъ у насъ скотъ на ярмаркахъ. Цѣна назначается въ зависимости отъ возраста, здоровья и красоты. Богатые торговцы скупаютъ иногда много дѣвочекъ—дочерей бѣдняковъ, кормятъ ихъ, какъ скотъ, до извѣстнаго возраста и потомъ перепродаютъ, конечно, съ барышемъ.

На Сахалинѣ въ настоящее время насчитывается около 6¹/₂ тысячъ женщинъ и 24 тысячи мужчинъ. Слѣдовательно, одна женщина приходится на четырехъ мужчинъ. Въ соотношеніи этихъ чиселъ и кроется для женщины вся суть каторги: женщина изъ личности обращается въ вещь и, по указанію администраціи, переходитъ въ сожителство отъ одного ссыльнаго къ другому.

Слѣдовательно, борьба женщинъ еще не можетъ

считаться законченной, но къ счастью, и силы далеко еще не исчерпаны.

Недавно русскія женщины выступили съ заявленіемъ, въ которомъ, между прочимъ говорится: „до сихъ поръ женщина могла мириться съ недочетами своего положенія и находить объясненіе своей безправности въ безправіи всѣхъ. Но теперь, наканунѣ переоцѣнки общихъ правъ, она не должна молчать. Она имѣетъ право стоять рядомъ со всѣми и требовать признанія своей равноправности, тѣмъ болѣе, что сама жизнь уже доказала ея трудоспособность. Мы твердо вѣримъ, что наступаетъ время для нашей родины, когда инициатива и энергія всѣхъ гражданъ получатъ возможность примѣненія. Пора устранить ненормальность правового положенія женщины, ограничивающаго ее даже въ имущественныхъ правахъ. Неся всѣ повинности и платя всѣ налоги, она не имѣетъ голоса въ ихъ назначеніи и распредѣленіи и лишена возможности приносить ту пользу родинѣ, на которую чувствуетъ себя способной“.

„Въ послѣднее время женщины все въ большихъ размѣрахъ начинаютъ принимать участіе въ той сферѣ дѣятельности, которая обнимается понятіемъ социальной реформы. Съ удивительной энергіей и рѣдкимъ пониманіемъ обращаются онѣ къ наиболѣе молодой изъ наукъ, къ общественной, и борются за то, чтобы въ рамкахъ ея заниматься практической дѣятельностью. Онѣ видятъ передъ собой необозримое поле, обработка котораго соответствуетъ ихъ склонностямъ; въ этой дѣятельности личность ихъ можетъ достигъ полнаго своего развитія. Вѣдь дѣло теперь идетъ о томъ, чтобы найти средства и пути которыми можно было бы помочь нуждающимся и слабымъ, чтобы, какъ нѣкогда онѣ создали экономію дома, такъ теперь понять, руководить и захватить экономію міра, чтобы на мѣсто меча воздвигнуть, какъ символы жизни человѣчества, молотъ, рѣзецъ и плугъ“.

712978

Такимъ образомъ все сознательно и безсознательно ведетъ къ тому, чтобы на мѣсто стараго міра, расклавывавшаго человѣчество на два враждебныхъ лагеря, возсоздать новый, гдѣ наемное рабство смѣнится экономической независимостью, гдѣ трудъ женщины не будетъ ее калѣчить и позорить, а возвыситъ до степени свободнаго товарища мужчины, гдѣ она сможетъ выполнять свое высшее назначеніе.

Будущее, какъ нѣчто невѣдомое, всегда внушаетъ робкимъ опасенія. Но потокъ женскаго движенія не долженъ пугать насъ; въ немъ нужно видѣть лишь пробужденіе новой богатырской мощи. Одинъ изъ нашихъ писателей такъ рисуетъ женщину, которую онъ встрѣчалъ на далекой сѣверной окраинѣ Россіи:— „фамилія ея Филиппова, она умѣла управляться со шкуной, вела корабль въ густыхъ туманахъ весенняго сумрачнаго времени сквозь Бѣломорское горло въ сказочный просторъ Ледовитаго океана“...

Въ этомъ простомъ примѣрѣ я хотѣлъ бы возвыситься до аллегоріи. Въ Европѣ число женщинъ на 7 милліоновъ превышаетъ число мужчинъ.

Вѣдь это цѣлая побѣдоносная армія!

Пусть же она закаляется и крѣпнетъ въ борьбѣ, пусть развивается и, вооружившись наукой и знаніями, отстаиваетъ свою равноправность;—пусть ведетъ насъ къ свѣту, истинѣ и справедливости. Женщина своимъ широкимъ активнымъ участіемъ призвана вдохнуть новую жизнь въ дряхлѣющій міръ. Въ этомъ ей поможетъ высшее образованіе, которое возбудитъ женскій геній и дастъ возможность женщинѣ работать на благо всего человѣчества. Передъ женщиной открыта славная и достойная ея культурная нива.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ, МИРОВОЙ РЫНОКЪ. (Публичная лекція). Второе изданіе. Цѣна 25 коп.

„Въ этой небольшой книжкѣ опытный и талантливый лекторъ сумѣлъ въ самой сжатой формѣ представить читателю картину мірового торгово-промышленнаго прогресса, выражающаго современный товарообмѣнъ по отдѣльнымъ отраслямъ и государствамъ. На протяженіи нѣсколькихъ страницъ, въ красивомъ изложеніи, авторъ рисуетъ грандіозную картину торгово-экономическихъ преуспѣхивъ отдѣльныхъ государствъ, сопоставляя и наши посильные успѣхи въ этой области. Это умѣлое сравнительное сопоставленіе торговаго успѣха нашего отечества и даетъ намъ нравственное право рекомендовать эту лекцію для самаго широкаго распространенія въ средѣ нашего торговаго класса. Съ издательской точки зрѣнія брошюра не оставляетъ желать ничего лучшаго...“ („Бак. Изв.“).

Его-же, РУКОВОДСТВО ПО КОММЕРЧЕСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

I. Теорія коммерческаго письма; II. Практическіе образцы и III. Коммерческая терминологія. Спб. 1904, ц. 1 руб.

„Книга составлена очень толково, и цѣну ея нужно признать весьма недорогой“. („Промышл. Міръ“).

„Книга г. Кечеджи-Шаповалова является прекраснымъ сборникомъ образцовыхъ коммерческихъ писемъ и можетъ служить полезнымъ руководствомъ въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ“. („Вѣстн. Коммерч. Образов.“).

Книга одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1 марта 1905 г., № 1461).

Его-же, СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Рѣчь, ц. 15 к. Спб. 1905.

Его-же, РАБОЧІЕ ВЪ МОНОПОЛЬНЫХЪ ПРЕДПРИЯТІЯХЪ. Ц. 1 р.

Его-же, ПОТРЕБЛЕНІЕ ВОДКИ ВЪ РОССИИ (распродано).

Его-же, ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи и др. Бюджетное право. Личная свобода. Политическіе выборы. Изд. 3-е, 1905, ц. 30 коп.

Папприцъ,

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ ПРОСТИТУЦИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго М. В. Кечеджи-Шаповалова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями.

Спб. 1904. Цѣна 25 коп.

Затрагивая одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ общественной жизни современнаго цивилизованнаго міра, брошюра полна большого и серьезнаго интереса для русскихъ читателей. Русский переводчикъ книжки снабдилъ ее цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ примѣчаній...“ („Сѣв.-Западн. Ст.“).

„Этого рода брошюры заслуживаютъ самаго широкаго распространенія; онѣ учатъ серьезно вдумываться въ вопросы, благополучное рѣшеніе которыхъ имѣетъ цѣлью оздоровить родъ людской, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая строка ихъ пропитана гуманностью къ обездоленному, жалкому и презираемому по недоразумѣнію элементу“... („Бак. Изв.“).